

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

Э. В. Севортян

**МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ СЛОВА
В СВЯЗИ С ДРУГИМИ ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКАМИ
(по данным тюркских языков)**

Вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках не нов. Как известно, еще в начале нашего века этот кардинальный вопрос был принципиально рассмотрен в классической работе создателя современной тюркологии В. В. Радлова¹ и до последнего десятилетия тюркология не располагала другим специальным исследованием, посвященным данной проблеме. Все имеющиеся в грамматических описаниях разработки, относящиеся к строению слова в различных тюркских языках, как у нас, так и за рубежом, повторяют с незначительными модификациями построение В. В. Радлова.

С середины 50-х годов положение стало меняться. В тесной связи с резким ростом в советском языкознании интереса к многочисленным вопросам, относящимся к строению языков различных генеалогических единств, был проведен целый ряд конференций, дискуссий и т. д., в том числе специальная дискуссия о строении слова в языках различной морфологической и генеалогической принадлежности. Среди участников дискуссии о морфологическом строении слова были также тюркологи, отметившие некоторые особенности в строении тюркского слова.

В последние годы начали появляться специальные монографии на рассматриваемую тему. Среди них — оригинальная по замыслу работа С. У. Усманова², в которой предпринята попытка разграничения языковых и речевых элементов слова

¹ W. Radloff, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen*, St.-Pbg., 1903.

² С. У. Усманов, *Морфологические особенности слова в современном узбекском языке*. Автореф. докторск. дисс., Ташкент, 1964.

в узбекском языке; работа А. И. Искакова³ о строении слова в казахском языке и другие.

В описательных грамматиках последнего десятилетия заметно стремление многих авторов более углубленно рассматривать главные особенности строения слова в разных тюркских языках. Короче — налицо расширение и углубление исследований по проблеме строения слова в указанных языках.

Признавая положительное значение научных результатов, достигнутых в этой области, нельзя вместе с тем закрывать глаза на то, что данный вопрос как в целом, так и в его существенных частях пока не получил всестороннего освещения и фундаментального решения, из чего вытекает необходимость дальнейших исследований.

Цель настоящего сообщения — обратить внимание специалистов на некоторые — по мнению автора, существенные — моменты при рассмотрении вопроса о морфологическом строении слова в тюркских языках.

Из перечня таких моментов могут быть названы следующие: 1) выяснение того, что входит в морфологическое строение слова; 2) соотношение структурных частей слова; 3) морфологическое строение слова и его морфемный состав; 4) морфологическое строение слова и часть речи; 5) морфосемантическое строение слова и последовательность морфем; 6) связь фонетического строения слова с его морфологическим строением; 7) парадигматический облик слова и его синтагматическая позиция; 8) морфологическое строение слова в статике и динамике, или иначе: в языке и речи; 9) морфологическое строение слова в синхроническом и диахроническом планах.

Для рассмотрения морфологического строения слова в тюркских языках имело бы весьма существенное значение общее учение о слове, в частности его определение. Несмотря на многочисленность попыток в этом направлении, в языкознании пока еще нет разработанного учения о слове, как нет и его общепринятого определения.

Не предлагая здесь какого-либо нового определения слова, мы будем под ним понимать в дальнейшем мельчайшую языковую единицу, обладающую лексико-семантической и грамматической, соответственно функциональной, следовательно, информативной самостоятельностью. Естественно поэтому, что здесь и дальше речь идет именно о слове, а не о лексической основе. При первом, самом поверхностном, подходе к слову в нем обнаруживаются, как известно, две части,

³ А. И. Искаков, Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. докторск. дисс., Алма-Ата, 1964.

различные и неравноценные в фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом отношениях, различные и неравноценные по своей информационной роли и своей автономности в указанных планах, наконец, различные по признаку постоянства — непостоянства.

Первую часть слова образует его лексическая основа, вторую часть — его грамматическое оформление.

В принципе так же строится аналог слова — модель аналитического глагольного формообразования, тоже состоящая из двух частей, двух или более лексем, в первой из которых сосредоточена лексическая часть сочетания, во второй — грамматическое оформление всего сочетания в целом.

В фонетическом отношении грамматическая часть слова всегда или почти всегда зависит от лексической, так как, за немногими исключениями, в подавляющем большинстве тюркских языков она подчиняется действию небного или небо-губного сингармонизма. Исключения из данного правила единичны, так как асингармонистические грамматические морфемы в тюркских языках нетипичны.

Известен, однако, ряд единичных фонетических условий, при которых фонетический облик лексической основы слова изменяется под влиянием первого слога грамматической части. Сюда относятся, например, так называемый умлаут в новоуйгурском языке типа *at* 'конь' — *eti* 'его конь'; сужение широкого гласного глагольной основы под действием следующего за ним преаффиксального соединительного *й* типа тур. *başlı-y-an* < *başla-y-an*; целый ряд регрессивных ассимилятивных процессов в области гласных и согласных на границе между лексической и грамматической частями слова в туркменском, тувинском, хакасском, якутском, караимском и некоторых других языках и др.

Однако все подобные отступления не отменяют господствующей роли прогрессивной палатальной или лабио-палатальной ассимиляции гласных или прогрессивной ассимиляции согласных по звонкости и другим признакам в рамках слова — или, иначе, определяющей в фонетическом плане роли лексической части слова.

Таким образом, можно сказать, что между морфологическим строением слова и его фонетическим обликом имеется структурный параллелизм: и в том и в другом плане основа — лексическая часть слова — является независимой, а оформление — грамматическая часть — зависимой величиной.

Различие и неравноценность рассматриваемых секторов слова в лексическом плане очевидна: основа слова — величина независимая, его морфологическое оформление — величина зависимая.

Хотя и выбор основы слова, и выбор его оформления зависят в конечном итоге от содержания и цели речевого акта, но в отличие от основы оформление слова зависит от содержания и цели речевого акта не прямо, а через структурные особенности языка, коему слово принадлежит.

В тюркских языках эти структурные особенности сосредоточены в системе частей речи.

Поэтому оформление основы и тем самым структура слова зависят от принадлежности основы к определенной части речи. Так как изменяемые части речи (существительное, известные разряды местоимений, глагол) имеют каждая свой перечень грамматических морфем, то морфологическое строение слова распадается по крайней мере на три типа: именной, местоименный и лично-глагольный, из коих первые два типа в некоторых своих разновидностях совпадают (номинативные и некоторые местоименные слова в форме множественного числа, или какого-либо падежа, или того и другого вместе; номинативные и вопросительно-местоименные слова в форме принадлежности). Если к названным трем типам присоединить еще неличные формы глагола, то количество типов морфологического строения слова сильно возрастет. При учете же конкретных разновидностей указанных типов морфологической структуры слова мы уже получаем большой перечень структурно-морфологических моделей, число и детали которых к тому же варьируют от языка к языку.

Различна и неравноценна также роль обеих частей слова в информационном отношении. Основную информационную нагрузку в слове несет его основа, тогда как грамматическая часть выполняет в общем коммуникативную функцию (функцию связи), или функцию отношения.

По этой причине также и в семантико-грамматическом плане между основой и ее оформлением сохраняются в принципе те же соотношения, что и в плане информационном. Они выражены в этом случае даже, пожалуй, еще яснее, так как употребление того или другого перечня грамматических морфем обусловлено грамматическим значением основы: она может быть именной или глагольной, и, следовательно, набор грамматических морфем должен соответствовать этому различию.

«Власть» основы над оформлением простирается и дальше и выражается главным образом в том, что под влиянием семантики основы может сократиться морфемный состав грамматической части слова. Например, в некоторых тюркских языках определенные разряды существительных не имеют формы множественности (аффикс *-лар*). Ср., например, названия процессов или состояний в турецком: *terbiye* 'воспи-

тание', *sevînc* 'радость', *inan* 'вера' и т. п. То же наблюдается при именах действия на *-ма*, *-ув/-у* и др. При других именах действия аффикс множественности неупотребителен вообще, даже при наличии посессивного аффикса. Таков инфинитив в турецком, азербайджанском, узбекском, уйгурском, крымскотатарском языках (аффикс *-мақ*). Невозможен показатель множественности в обозначениях сторон предмета: *ич* 'внутренняя часть', $\frac{m}{\partial}$ *аш* ~ $\frac{m}{\partial}$ *ыш* 'наружная часть, сторона', *алт* ~ *аст* ~ *түн* 'низ', 'нижняя часть, сторона' и т. д. По чисто семантическим причинам невозможна передача во множественном числе названий уникальных предметов, например, *йер* 'земля' (в смысле 'Земной шар'), географических названий, например, тур. *Akdeniz* 'Средиземное море', *Isparta* 'Спарта' (город) и т. п.

Опять же по чисто семасиологическим причинам ряд глагольных основ не может употребляться в настоящем времени, в повелительном или желательном наклонениях.

Перечень случаев сокращения инвентаря грамматических формантов под давлением семантики основы слова можно продолжать дальше, но в этом вряд ли имеется необходимое, так как определяющее положение лексической части слова в семантико-грамматическом плане и без того ясно.

После сказанного выше не требует объяснений и иллюстраций автономность основы в рамках слова и неавтономность, зависимость его грамматической части.

Ясен также постоянный характер основы и непостоянный, переменный характер грамматической части слова.

Основа слова может оказаться непостоянной в истории конкретного языка, но она постоянна в границах определенной ступени грамматического и лексико-семантического развития языка. Грамматическая же часть слова всегда непостоянна, так как непостоянны связь и отношение данной основы к другой в процессе речи.

Обратимся к морфосемантическому строению слова и последовательности морфем в нем.

Как известно, существительное и субстантив имеют три грамматические категории: множественности, принадлежности и падежа. Кроме того, вместе с остальными именными частями речи существительное имеет категорию сказуемости.

Взаиморасположение формальных показателей всех грамматических категорий не свободно, а, как известно, подчиняется строгому порядку. В существительном или субстантиве за основой следует на первом месте показатель множественности, затем показатель принадлежности и далее показатель

падежа. Аффикс сказуемости расположен на последнем месте. При отсутствии одного из перечисленных аффиксов сохраняется тот же порядок. В результате получается ряд морфологических схем, которые читатель найдет в конце настоящей статьи.

Морфологическое строение лично-глагольного слова также характеризуется определенной последовательностью морфем, а именно: глагольная основа (положительная или отрицательная) + показатель грамматизованной залоговой категории (при отрицательной основе этот показатель предшествует показателю отрицания) + показатель наклонения или времени + показатель лица. В личных формах глагола показатель лица не может следовать за чистой глагольной основой, но лишь за аффиксом наклонения или времени.

Приведенная выше схема морфологического строения именного слова не может, однако, считаться безраздельно господствующей в тюркских языках. То же можно сказать и о морфологическом строении лично-глагольного слова.

Обе схемы в целом ряде случаев нарушаются, притом неизменно в одном пункте — в отношении аффикса множественности.

В именном слове указанный показатель в некоторых тюркских языках может следовать после посессивного аффикса. Ср., например, в кр.-тат. *баба-м-лар* в выражении *туневин бабамларга бардык* 'вчера мы были (букв. 'ходили') у отца' (в смысле 'в дом, семью отца'). То же предложение в азербайджанском: *дунэн атам-кил-лэр-э кетдик*, так же в турецком: *dün baba-m-gil-ler-e gittik*. В этих соответствиях аффикс множественности также следует за аффиксом принадлежности и отделен от него элементом *кил* — словообразовательным аффиксом со значением 'семья', 'окружение'. Необычная позиция словообразовательного аффикса (он должен входить в состав основы) объясняется тем, что элемент *кил* — еще и поныне живая основа со значением 'семья' во многих турецких диалектах (а также в некоторых других языках) — не полностью подвергся формализации, не стал еще окончательно словообразовательным аффиксом и внешне продолжает сохранять позицию определяемого, т. е. *babam-gil* < **babam(in) gil(i)*.

Исторически размещение показателей принадлежности и множественности было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар*, т. е. сначала шел аффикс принадлежности, а затем множественности. Так позволяет думать строение посессивных и предикативных показателей первых двух лиц во множ. числе **-би-з* — **-си-з* и **-ми-з* — **-ң-из*, где **-би* и **-си* восходят к показателям 1-го и 2-го лица, **-з*

является показателем множественности (возможно, двойственности)⁴.

Реконструированные выше предикативные и посессивные показатели первых двух лиц во множественном числе относятся к давно прошедшим эпохам в истории тюркских языков. В современных же языках названные аффиксы выражают нераздельно лицо и число. Раздельное выражение того и другого можно видеть, например, в алтайском языке в форме 2-го л. мн. числа прошедшего времени и повелительного склонения. Ср. *алдың-ар* (<*алдың-лар*) ~ *алдыгар* 'вы взяли'; *алың-ар* (<*алың-лар*) ~ *алыгар* 'возьмите', где последний элемент (-*ар*), восходящий к показателю множественности -*лар*, замещает историческое *-з. Приведенная форма повелительного склонения известна также в узбекском (*олинглар*) и ряде других языков.

Наоборот, в другой, так называемой «вежливой» форме принадлежности мы видим противоположную современным тюркским языкам последовательность: аффикс множественного числа + аффикс принадлежности: *ат-тар-ың* 'Ваш конь', где -*тар* — аффикс множественности, -*ың* — аффикс принадлежности 2-го л. ед. числа. Иными словами, в этой форме выделена та же последовательность грамматических морфем, что и в обычном имени существительном: основа + аффикс множественности + аффикс принадлежности. Только в существительном показатель -*лар* в большинстве тюркских языков обозначает множественность предметов обладания, в алтайском же (в принципе так же в турецком, азербайджанском и некоторых других языках) -*лар* относится к лицу.

Нарушения указанной последовательности морфем (аффикс множественности + аффикс принадлежности) читатель найдет в достаточном количестве в узбекском, тувинском, хакасском, чувашском, якутском, чулымском и некоторых других тюркских языках.

Едва ли во всех этих нарушениях размещения показателей множественности и принадлежности следует видеть проявление процессов структурного порядка. Поскольку все нарушения связаны только с двумя названными грамматическими категориями, представляется естественным причины нарушений искать в них самих. По-видимому, дело здесь в

⁴ Сказанное о формах -*биз*, -*сиз* может, однако, быть справедливым, если их рассматривать как аффиксы. Но генетически -*биз* и -*сиз* не аффиксы. Они скорее местоименные формы, образовавшиеся от личных местоимений * $\frac{\sigma}{e}$ 'я' и * $\frac{c}{e}$ 'ты' с помощью грамматического показателя множественности (или двойственности) *-з.

категории множественности, семантический объем и состав которой в современных языках значительно шире рамок простой множественности. Формы типа приведшихся кр.-тат. *бабамлар* (где *-лар* указывает на 'семью, окружение') и алт. *аттарың* (где *-тар* выражает лишь учтливое отношение к лицу обладателя) подтверждают высказанное предположение.

Обратимся к семантическому строению грамматической части слова.

В советской тюркологии уже были попытки установить закономерности или правила расположения морфологических показателей в грамматической части слова. Указывалось на то, что морфемы в грамматической части слова расположены в порядке возрастающей конкретности их значения, как, например, в слове *ат-лар-ым-ның* 'моих коней', где значение показателя принадлежности *-ым* будто бы более конкретно, чем значение множественности, а значение показателя родительного падежа более конкретно, чем значение показателя принадлежности. Другой пример: лично-глагольная форма *йаз-дыр-ды-ң* 'ты заставил написать', где показатель прошедшего времени *-ды* имеет будто бы более конкретное значение, чем показатель понудительного залога *-дыр-*, а показатель лица *-ң* по значению конкретнее, чем показатель прошедшего времени.

На деле, однако, трудно доказать, что значение грамматического лица менее конкретно, чем значение падежа, или что значение времени более конкретно, чем значение залога. Трудно потому, что подобные сравнения строятся не на основании каких-то определенных критериев, а субъективно, так сказать, «на глазок».

О самих значениях грамматических морфем в слове принято говорить, что они в речи моносемантны, как того требует агглютинативный строй тюркских языков. Особенно настаивают на этом языковеды, не имеющие дела с агглютинативными языками. Между тем фактическое состояние тюркских языков в этом отношении довольно далеко от идеальных представлений об агглютинативных языках. Наряду с однозначностью аффиксов в речи — например, аффиксов падежа, множественности, залога, склонения и времени — налицо неоднозначность посессивных и предикативных форм. Исторически эти аффиксы двухморфемны, и каждая из морфем исторически имела, по-видимому, одно значение. Но их современный семантический состав иной. Аффиксы принадлежности имеют в каждой из форм по три значения. Например, в слове *ат-ың* 'твой конь' показатель *-ың* передает комплексно само значение принадлежности, второе лицо обладателя и единственное число последнего. Предикативные

показатели также передают комплексно по три значения. Например, в форме *алды-к* 'мы взяли' показатель *-к* передает: саму предикативность, первое лицо и множественное число этого лица. Показатель *-(й)алым* в языке енисейско-орхонских надписей, в турецком и некоторых других языках передает желательность — побудительность, предикативность, первое лицо носителя действия и его множественность. Подобные примеры можно, естественно, продолжить.

Таким образом, в принципе в агглютинативных языках, как и во флективных, число передаваемых значений в грамматическом секторе слова может быть больше числа грамматических морфем. Следовательно, это еще один пункт, сближающий агглютинативные и флективные языки в структурном отношении.

Морфологическое строение слова, проявляясь в речи, сохраняет, как и другие структурные элементы языка, свой системный характер. Но если в языке все подчинено лишь законам его строения, то в речи вступают в действие и другие факторы, например, постоянная тенденция к экономии речи, благодаря чему избыточные для информации элементы могут сокращаться. Эта тенденция распространяется также и на строение слова.

Характерным результатом экономии речевых средств можно считать, например, сокращение конечных грамматических показателей у однородных членов с сохранением полного морфологического строения слова только у последнего члена — прием, который по почину Н. К. Дмитриева нередко именуется в грамматических описаниях тюркских языков «выведением за скобки» общего грамматического показателя.

Сокращение конечного грамматического показателя в строении слова возможно как в имени, так и в глаголе. Ср., например, кр.-тат. *ашлыкъны биз башта бичер, ондан сонъ топлармыз* 'сначала хлеб мы скашиваем, затем собираем'; тур. *bütün duygu ve fikirlerimi bir araya topladım* 'я собрал воедино все мои чувства и мысли'. Среди однородных членов предложения полное морфологическое строение слова в первом примере имеет *топлармыз*, сокращенное — *бичер*, у которого сократился показатель лица; полное строение однородного члена во втором из примеров — *fikirlerimi*, сокращенное — *duygu*, у которого отсутствует грамматическая часть слова целиком.

В сущности к подобной же грамматической редукции слова за счет сужения или даже оголения его грамматического сектора относятся случаи типа тат. *мин Казан бардым* (вместо полной формы *Казанга*) 'я поехал в Казань'. Сюда же относится широко известное в разных тюркских языках со-

чтение $ат \frac{б}{м} ин-$ вместо $ат \frac{ка}{а} \frac{б}{м} ин-$ 'ездить на коне', букв. 'садиться на коня' и др.

Возможность подобных стяжений компонентов морфологического строения слова кроется в их информационной избыточности, поскольку: 1) смысловая сторона подобных словесных связей без труда выясняется из контекста, из речевой ситуации, при которой сокращение грамматической морфемы в слове не отражается на его коммуникативной функции; 2) в информационном плане лексическая часть слова, основа, несет наибольшую нагрузку.

Приведенные факты, иллюстрирующие различие слова в языке и речи, в статике и динамике, не единичны и не разрозненны. Их перечень можно продолжить.

Однако более важны, как представляется, некоторые уточнения, которые можно внести на основании приведенных и подобных им фактов в привычные представления о морфологическом строении слова, о его парадигматическом облике в тюркских языках.

Принято считать, что парадигматический облик слова в речи зависит от его синтагматической позиции. В общем виде как тенденция, регулирующая отношение слова к другим словам в процессе речи, это верно. Но действие этой тенденции может быть нейтрализовано, если, как говорилось выше, для восприятия информации парадигматический состав слова оказывается избыточным. Более того, морфологическое строение слова может быть независимым, или иначе — слово может быть синтагматически независимым в речи, и тогда его морфологическое строение становится автономным. Таково, например, морфологическое строение обстоятельственных дополнений времени, места и т. д., вводных слов или словосочетаний.

В то время как слова, обозначающие главные члены предложения и дополнения, оформляются в зависимости от их синтагматического положения и в потоке речи меняют свое оформление в связи с изменением их синтагматической позиции, обстоятельственные члены очень часто отбираются из хранящегося в языке готового набора обстоятельственных слов. Главные члены предложения и дополнения каждый раз конструируются в речи, многие же обстоятельственные дополнения вводятся в речь уже готовыми. Поэтому в таких словах, в отличие от остальных слов в составе речи, нет деления слова на постоянную часть — основу и переменную часть — грамматическое оформление. В силу этого они приближаются к лексическим единицам.

Обращаясь к строению слова в синхроническом и диахро-

ническом плане, мы видим, что отношения между синхроническим и диахроническим состояниями морфологического строения слова зависят от той ступени языкового развития, на которой происходит наблюдение. В качестве общего процесса, свойственного строению слова вообще, следует считать колебание границы между лексической основой и грамматической частью слова.

Если рассматривать отношения между этими частями на современном уровне морфологического развития тюркских языков, то можно отметить расширение в ходе языковой эволюции лексической основы в одних типах морфологического строения и, наоборот, сокращение лексической основы — в других типах.

В морфологических строениях первого типа граница между основой и грамматической частью слова начинается после первого по порядку грамматического аффикса, который тем самым включается в состав основы. Иллюстрацией к этому типу — с передвижением границы в зону грамматической части — является номинализация именных словоформ с показателями древних направительных падежей на *-ғару/ар* $\frac{y}{ы}$, древнеуйгурская и современная уйгурская или узбекская диалектная форма склонения на генитивной основе — типа *мениңдин* (<мен-иң-дин), *мениңде* (<мен-иң-де) и т. д.

В морфологических строениях второго типа граница лексической и грамматической частей слова отодвигается в зону основы, в результате чего грамматический сектор слова расширяется. Иллюстрацией к данному типу морфологического строения слова может служить явление полной грамматизации форм понудительного и страдательного залогов в огузских и части кыпчакских языков, грамматизация формы учащательности-интенсивности (показатель $-қ\frac{а}{ы}ла-$) в ряде кыпчакских языков и аналогичные процессы, представляющие собой передвижение морфем из сферы словообразования в сферу формообразования.

В качестве прямого вывода из сказанного следует, что для морфологического строения слова в тюркских языках в момент наблюдения не имеет значения историческое прошлое морфем, образовавших лексическую часть слова, его основу, равно как и историческое прошлое морфем, входящих в состав грамматической части слова. Следовательно, для выяснения морфологического строения слова не имеет существенного значения его исторически засвидетельствованный морфемный состав. Для выяснения морфологического строения

слова необходимо знать лишь его продуктивные в момент наблюдения элементы: реальную лексическую основу — единицу определенной части речи и состав, а также взаимоотношения продуктивных грамматических морфем, образующих грамматический сектор слова. Что же касается того, как в изучаемом нами данном типе морфологического строения слова исторически передвигалась граница между обоими секторами слова, то для понимания актуального морфологического членения слова данное обстоятельство значения не имеет.

Изложенные выше факты и соображения, несмотря на их неполноту, позволяют, однако, признать, что морфологическое строение слова в тюркских языках всегда является продуктом той ступени лексического и грамматического развития, которой достиг конкретный тюркский язык в момент наблюдения, является, так сказать, фотографией этой ступени.

Сказанное на предшествующих страницах не исчерпывает, конечно, вопросов, возникающих при изучении морфологического строения слова в тюркских языках. Оно тем более недостаточно, если принять во внимание все многообразие типовых фонетико-морфологических структур по частям речи в различных тюркских языках (специального рассмотрения заслуживают, например, сложные прошедшие времена, образовавшиеся с помощью формализованного глагола *иди ~ -ди*; причастные и деепричастные формы и т. д.).

Своим сообщением мы хотели обратить внимание специалистов лишь на некоторые общие вопросы, освещение которых целесообразно при рассмотрении конкретных типов и видов фонетико-морфологического строения слова в тюркских языках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

I. 1. Именная или номинализованная основа:

- 1) + аффикс принадлежности;
- 2) + падежный аффикс;
- 3) + аффикс множественности;
- 4) + аффикс принадлежности + падежный аффикс;
- 5) + аффикс множественности + аффикс принадлежности;
- 6) + аффикс множественности + аффикс принадлежности + падежный аффикс;

2. Именная или номинализованная основа + аффикс

сказуемости. Все перечисленные в п. 1 виды морфологического строения именного слова + аффикс сказуемости;

II. 1. Положительная или отрицательная глагольная основа:

- 1) + аффикс инфинитива;
- 2) + аффикс грамматизованной залоговой категории + аффикс инфинитива;
- 3) + аффикс категории невозможности действия + аффикс инфинитива;
- 4) + аффикс учащательности-интенсивности + аффикс инфинитива (для отдельных языков);
- 5) Положительная или отрицательная глагольная основа с аффиксом невозможности действия или без него, с аффиксом учащательности или без него, с различными сочетаниями переименованных форм + аффикс наклонения или времени + аффикс лица;

2. Положительная или отрицательная глагольная основа + перечисленные в п. 5 многообразные грамматические показатели или их сочетания:

- 1) + показатели различных причастий;
- 2) + показатели различных деепричастий;
- 3) + показатели различных имен действия;
- 4) + показатели различных глагольных имен [на -(й)ан, -қан, -дық, -(й)ажақ, -ар и др.]:
 - а) + аффикс принадлежности;
 - б) + показатель одного из пространственных падежей.